

1. ДВЕ КНИГИ

Иудеохристианская цивилизация, из которой вырос современный мир — мир космических кораблей, беспроводной связи и антибиотиков, — насквозь текстоцентрична. Люди Писания с незапамятных времен во всем были склонны видеть текст. Раз Бог даровал Свое откровение в форме книги, должно существовать — полагали они — какое-то приложение к ней, где говорится о звездах, растениях и обо всем остальном, о чем Писание умалчивает. Уже Иосиф Флавий упоминал о двух столбах — каменном и железном, — на которых Сиф, третий сын Адама, записал сведения о движении небесных тел. Среди средневековых еврейских книжников циркулировали трактаты вроде «Сефер Разиэль», которые, как утверждалось, содержали отрывки из книги, дарованной Адаму после изгнания из рая. Считалось, что на ее страницах Бог рассказал нашему прародителю об устройстве природы, но последующие поколения исказили этот текст.

Миф о древней мудрости, восходящей ко временам Адама, вдохновлял и ренессансную мысль, стоявшую у истоков современного естествознания. Одни говорили об утраченных в Библию, но пересказанных греческими вошедших в Библию, но пересказанных греческими авторами. Другие считали, что знания Адама могли сохраниться в составе сочинений египетского мудреца Гермеса Трисмегиста, современника Моисея.

Фактически речь шла о «втором откровении», которое, как предполагалось, существует в письменной традиции параллельно с основным сводом книг Священного Писания. Тогдашние натурфилософы занимались не столько изучением природы, сколько поисками этого первоначального всеобъемлющего текста. Точнее, природа и слово в глазах мыслителей Ренессанса сливались в единый текст. В любом ренессансном сочинении по естественной истории вы найдете невообразимую смесь из биологии, этимологии, геральдики, астрологии и фармакологии, оснащенную бесконечными «мнениями древних».

Где-то ближе к середине XVII столетия, как об этом писал Мишель Фуко, слова отделяются от вещей. Растения, минералы и животные превращаются в голые факты, лишённые символической нагрузки. Вместо того чтобы смотреть на природу сквозь призму древних текстов, европейцы обращаются к ней самой. Адамова книга о мире утрачивает актуальность, потому что сам мир становится книгой. Теперь уже безразлично, что о звездах думал Гермес Трисмегист или Платон. Явления природы сами по себе отныне воспринимаются как письма, которыми начертано послание, подлежащее расшифровке. «Мне нравится рассматривать несметное множество миров как множество книг, собрание которых образует огромную библиотеку Вселенной или истинную универсальную энциклопедию»⁸, — отмечал Шарль

8

Цит. по: Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. С. 119.

Бонне, один из величайших натуралистов XVIII века, открывший регенерацию у пресноводной гидры.

Когда на смену гипотетической книге Адама пришла «книга природы», не имеющая прямого отношения к знакам человеческого письма, никто не сомневался, что ее автором тоже является Бог. «Священное Писание и природа равно порождены Богом: первое — как продиктованное Духом Святым, вторая — как послушная исполнительница Господних повелений»⁹, — можно прочесть у Галилео Галилея. «Спаситель наш говорит: „Вы заблуждаетесь, не зная Писания и могущества Бога“. И для того чтобы мы не впали в заблуждение, Он дал нам две книги: книгу Писания, в которой раскрывается воля Божья, а затем — книгу природы, раскрывающую его»¹⁰, — отмечал английский философ Фрэнсис Бэкон, сформулировавший основы эмпирического научного метода. Но если существует две книги одного автора, то неизбежно встает вопрос — как одна согласуется с другой? Как книга природы (*liber mundi*) соотносится с тем, что написано в книге откровения (*liber revelatus*)?

Книга откровения — особенно если мы говорим о христианском Писании, состоящем из Ветхого и Нового Заветов, — по сути строится вокруг единой сюжетной линии. Сначала Бог творит мир

⁹ Цит. по: Серебряков Н.С. Герменевтическое значение концепции «двух книг» // XXVII Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: Материалы. М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. С. 10–15.

¹⁰ Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1971. С. 128.

и человека, потом происходит грехопадение, убийство Авеля, потоп. Бог заключает завет с Авраамом, и от него рождается еврейский народ, из среды которого выходит Мессия — Иисус Христос. Апостолы проповедуют веру во Христа по всему миру, тем самым готовя человечество к тому моменту, когда Бог во славе придет судить живых и мертвых. То есть события, изложенные в Писании, развиваются в четкой последовательности от сотворения мира ко Второму Пришествию, от начала к концу, как в классическом историческом романе, пусть «роман» этот и писался многими авторами на протяжении многих веков.

А вот книга природы в эпоху первой научной революции, во времена Галилея и Ньютона, меньше всего походила на историческое повествование. Скорее она напоминала сказку о белом бычке без связного линейного сюжета. Круговращения звезд и планет, подчиненные законам механики, казались от века неизменными. Когда шотландец Джеймс Геттон, считающийся отцом современной геологии, в конце XVIII века стал изучать горные породы, он тоже не нашел в них никакого поступательного развития. Горы возникают и разрушаются, их обломки цементируются в конгломераты, и так по кругу. «Мы не находим ни следов начала, ни признаков конца»¹¹, — можно прочесть у Геттона. Только в XIX столетии изучение окаменелостей впервые заставило

¹¹ Цит. по: Хэллем Э. Великие геологические споры. М.: Мир, 1985. С. 48.

увидеть в «книге природы» цельный нарратив (кстати, термин «палеонтологическая летопись» — ну чем не отголосок древней книжной метафоры?). Более примитивные фауны сменяются более продвинутыми: сначала возникают рыбы, потом амфибии и рептилии, потом млекопитающие, и уже под занавес появляется человек. В 1859 году Дарвин нанизал эти звенья на единую нить эволюционного процесса.

Тем не менее до 1930-х годов история развития жизни на Земле не рассматривалась как часть глобальной истории Вселенной. Да, на отдельных планетах организмы могут возникать и развиваться от простого к сложному. Но сами планетарные системы то появляются, то гибнут, как мыльные пузыри. Сегодня жизнь существует здесь, завтра метеориты принесут ее зародыши в другой уголок космоса, но по сути ничего не изменится. «Вселенная в сущности всегда была такой же, какой она является сейчас. Материя, энергия и жизнь меняли лишь свою форму и местоположение в пространстве»¹², — писал в 1908 году Сванте Аррениус, нобелевский лауреат по химии.

Только когда в 1929 году американский астроном Эдвин Хаббл открыл космологическое красное смещение¹³, стало понятно, что Вселенная постоянно

¹² Arrhenius S. *Worlds in the Making: The Evolution of the Universe*. New York, London: Harper and Brothers Publishers, 1908. P. XIV.

¹³ Красное смещение — это наблюдаемое смещение спектра излучения удаляющегося объекта в длинноволновую область. Хаббл показал, что величина красного смещения далеких космических источников прямо пропорциональна расстоянию до них, то есть чем дальше галактика, тем быстрее она удаляется. Получается, видимая Вселенная не является

расширяется и, следовательно, имеет начало. Если галактики продолжают разлетаться в разные стороны (в ближайшие 10 миллиардов лет расстояние между ними удвоится), значит, когда-то все вещество во Вселенной находилось в одной-единственной точке — сингулярности Большого взрыва. Вскоре после него космос представлял собой довольно скучное место, заполненное лишь водородом и гелием. Постепенно при взрывах сверхновых из них синтезировались более тяжелые химические элементы: железо, фосфор, сера — все, без чего не могут обойтись живые существа. Звездная пыль, обогащенная тяжелыми элементами, рассеивалась во Вселенной, следующее поколение звезд вбирало ее в себя и продолжало синтез. Вселенная как бы готовилась к появлению жизни.

Современная космология дописала недостающие первые главы книги природы, превратив ее в полноценную историческую хронику. Органическая эволюция на нашей планете стала восприниматься как продолжение куда более длительного процесса развития материи. Выстроилась единая цепочка событий, начинающаяся в момент Большого взрыва и заканчивающаяся появлением человека на Земле. То есть к библейской истории, которая открывается словами «в начале Бог сотворил небо

стационарной, а разбегается с возрастающей скоростью в направлении, противоположном наблюдателю. Кстати, теория расширяющейся Вселенной имеет религиозные корни — впервые ее сформулировал католический священник и математик Жорж Леметр.